

М.В. Грибовский**ПРОФЕССУРА И СТУДЕНЧЕСТВО В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОМ
РОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ГРАНИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ***

Рассматривается проблема взаимоотношений профессуры и студенчества в российских университетах на рубеже XIX–XX вв. Преимущественно на основе архивного материала выделяются различные формы внеучебных контактов: благотворительная деятельность профессуры в отношении студентов, деятельность профессорского дисциплинарного суда, отношения между профессорами и студентами в условиях «студенческих беспорядков» и др.

Ключевые слова: университет, профессура, студенчество, студенческое движение.

Рубеж веков – особый период в истории высшей школы, определяемый, с одной стороны, введением нового университетского Устава (1884 г.), а, с другой, распадом Российской империи. Данный этап в истории российских университетов многие исследователи определяют как кризисный и в плане взаимоотношений высшей школы с государством, и в плане внутриуниверситетских отношений между учащимися и учащими.

Университет – весьма консервативный общественный институт. Особенно это проявляется в вопросах субординации, в том, какие роли исполняют лица «университетской семьи»: студенты, учебно-вспомогательный персонал, профессора, администрация. «В университетской системе, – пишет современный исследователь Е.А. Вишленкова, – изначально заложено внутреннее противоречие, основанное на дидактической, бюрократической, возрастной, культурной, символической и прочих видах власти преподавательского «меньшинства» над студенческим «большинством» [1. С. 219]. Действовавшие в рассматриваемый период правила для студентов университетов предписывали последним во время прохождения курса отдавать честь профессорам, прикладывая руку к козырьку фуражки, не становясь при этом во фронт (отдавать честь, становясь во фронт, студенты должны были при встрече с императором, императрицей, наследником престола, великими князьями и княжнами) [2. [пагин. 1-я]. С. 41–42].

Начало XX в. – время ускоренного развития как экономики России, так и различных общественных институтов. Создаваемая веками модель университетской жизни не могла в этих условиях оставаться неизменной. Наличие проблем во взаимоотношениях между профессорами и преподавателями, с одной стороны, и студентами, с другой, признавали власти. В циркулярном предложении от 21 июля 1899 г. МНП изложило руководящие указания по вопросу об установлении желательного общения между студентами, профессорами и учебным начальством, рекомендуя при этом следующие три меры: усиление контактов между студентами и профессорами «на почве учебных

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-1850.2010.6.

потребностей» (в частности, было рекомендовано шире применять практические занятия); учреждение, «под неперменным руководством профессоров», научных и литературных студенческих кружков, студенческих хоров и оркестров; правильное устройство студенческих общежитий, которые, «избавляя молодых людей [...] от забот о квартире и столе и ограждая их от вредных внешних влияний и соблазнов чужого города [...]», дают широкий простор для взаимного сближения учебного начальства, учащихся и учащихся. Что касается курсовых или иных студенческих организаций, с выборными представителями, депутатами или старостами, то министерство признавало их «не только излишними, но и вредными для спокойного течения академической жизни» [3. С. 64–67].

Предложенные правительством меры не выходили за рамки традиционной охранительной политики и были явно недостаточными. Гораздо более глубокое понимание проблем университетской жизни демонстрировала университетская общественность, о чем можно судить по работе Комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.). Во время работы этой Комиссии в числе прочих обсуждался вопрос о «мерах для сближения профессоров со студентами». Доклад на соответствующую тему подготовил профессор Новороссийского университета А.Н. Деревницкий, который провел анализ докладов по названному вопросу советов всех российских университетов, а также «особых мнений» отдельных профессоров и чиновников МНП. А.Н. Деревницкий отметил, что самым возникновением вопроса о необходимости каких-то специальных мер для сближения профессоров и студентов «официально признана наличность прискорбного и странного факта разобщения между университетскими преподавателями и собирающейся в их аудиториях молодежью» [4. С. 292]. Проанализировав «Доклады...» университетов, А.Н. Деревницкий сделал вывод о том, что большинство советов главное препятствие к сближению профессоров и студентов усматривает в действующем университетском уставе, который «отстранил профессоров от прямого и непосредственного влияния на университетские дела и таким образом полагającego искусственную грань между ними и студентами» [4. С. 293].

К числу черт университетского устройства, которые вызывали или поддерживали разьединение между профессорами и студентами, советы отнесли следующее: отсутствие права «самопополнения» профессорской коллегии и университетской администрации; организацию работы инспекции («чуждая университету по духу и чисто формально-полицейская по задачам, инспекция усвоила себе недоверчивое отношение к профессорам и этим сделала для них немислимым общение со студентами»); гонорарную систему («слагаясь в весьма значительной своей части из сумм, уплачиваемых благотворительными учреждениями или вносимых отдельными жертвователями, гонорар ставит профессора в унизительное положение в глазах общества и студентов»); редкое обновление учебных программ, особенно по тем дисциплинам, которые непрерывно развиваются; ослабление в самих студентах жажды знаний из-за недостаточности предварительной подготовки, возраста, материальной необеспеченности; отсутствие корпоративного устройства студентов, которое не только служило бы «естественной школой воспитания в духе общественности, товарищеского единства и разумного подчинения решениям б о л ь -

ш и н с т в а » , но создавало бы и новую, особую сферу отношений между студентами и профессорами и вело бы к сближению между ними.

В заключение доклада А.Н. Деревницкий привел меры, предложенные советами университетов, подразделив их на две категории. Первая включила ряд мероприятий, вытекающих из «положения, что ничто так не сближает людей, как совместная работа». Ко второй категории были отнесены меры, предполагающие коренную реорганизацию университетов на началах автономии и свободы преподавания.

К числу мер первой категории было отнесено 15 положений. Среди них: развитие практических занятий, семинариев, демонстраций; устройство экскурсий, экспедиций с научными и образовательными целями при участии профессоров и студентов; отмена «неподвижных учебных программ»; организация при участии профессоров научно-литературных студенческих кружков; устройство при совместном участии профессоров и студентов университетских праздников; развитие специализации студентов на старших курсах; развитие состязательных работ и испытаний на соискание стипендий; развитие института лиц младшего преподавательского персонала.

Среди мер второй категории значилось: предоставление профессорской коллегии права самопополнения; превращение инспекции в орган совета университета с полным ему подчинением; установление профессорского суда; предоставление совету права вырабатывать правила, определяющие круг деятельности и порядок студенческих собраний; допущение профессоров к участию в кружках и собраниях студентов; учреждение студенческих клубов; установление свободы преподавания и слушания; отмена гонораара; учреждение особого патроната над студентами, например в виде «туторства, испытанного веками в Англии»; поднятие нравственного авторитета профессора в глазах студентов, для чего нужно «утверждение профессоров университета Высочайшей властью и лишение их должности до истечения выборного срока не иначе как по суду» [4. С. 297–300].

Но сколь бы ни глубоко были соображения советов университетов, отложившиеся в «Трудах...» Комиссии, они отражали теоретический, «бумажный» взгляд на проблему. Обратимся к практике профессорско-студенческих взаимоотношений на примере отдельных университетов.

Необходимо отметить, что некоторые предложения, звучавшие в 1902 г. во время работы вышеупомянутой Комиссии, были реализованы. Так, уже в 1902 г. был создан Профессорский дисциплинарный суд, в компетенцию которого входило разбирательство проступков, совершаемых студентами.

Проиллюстрируем работу суда на примере Казанского университета (ИКУ). За период с 1902 по 1916 г. (то есть почти за все время существования) в профессорский дисциплинарный суд ИКУ поступило всего 11 дел. По характеру эти дела делились на следующие категории: дела о проступках студентов, за которые они были приговорены к наказаниям мировыми судьями (3 дела); дела о нанесении оскорблений словом или действием одним студентом другому (3 дела); «дела о студентах, подвергнутых взысканиям административной властью на основании обязательных постановлений» (2 дела); дело о нанесении студентом оскорбления служителю инспекции; дело об «оскорблении студентом женской чести путем изнасилования»; дело о под-

логе на экзамене путем сдачи одним студентом экзамена за другого. При этом 7 из перечисленных 11 дел не были приняты к рассмотрению либо как не подлежащие рассмотрению профессорским судом, либо из-за недостаточности материала. Дело об оскорблении женской чести было прекращено по просьбе потерпевшей. Судебные разбирательства состоялись только по 4 делам: по делу об оскорблении служителя инспекции и по 3 делам об оскорблении одним студентом другого. Во всех этих 4 случаях привлеченные к суду были признаны виновными, однако в качестве наказания были выбраны выговоры (3 случая) и нравственное порицание с лишением права участвовать в курсовых собраниях и быть избираемым в курсовые старосты [5. Л. 7–7об.].

Опыт ИКУ свидетельствует о достаточной мягкости профессорского суда, что иллюстрируется одним из случаев, вошедшим в приведенную выше статистику. В феврале 1905 г. состоялся суд над студентом медицинского факультета Н. Доброславиным, который обвинялся в нанесении побоев и оскорблений двум служителям университетской инспекции – А. Матвееву и Н. Занкову. Суд счел недоказанным обвинение в оскорблении действием Занкова (не было свидетелей), найдя же доказанным оскорбление действием служителя инспекции Матвеева, суд принял во внимание в качестве смягчающих вину обстоятельств сделанные ранее на студента Доброславина служителями инспекции донесения, которые он (Доброславин) считал ложными, а так же «болезненное состояние, выражавшееся в форме нервного расстройства». С учетом вышеизложенных обстоятельств профессорский дисциплинарный суд вынес студенту Н. Доброславинову выговор [6. Л. 28].

В духе предложений Комиссии в университетах был введен институт кураторов, «призванных быть блюстителями интересов студентов, ходатаями об их нуждах и потребностях» [7. Л. 40]. Очевидно, именно кураторство стало преломлением на отечественной почве идеи «тutorства» (тьюторства), позаимствованной в англосаксонской системе. Впрочем, архивные документы зафиксировали сложность вхождения этого института в силу недоверия студентов кураторам [8. Л. 172об.].

Одним из способов сближения профессуры и студенчества были совместные действия во внеучебное время. Об этом говорилось и в министерском циркуляре, и во время работы Комиссии. Многие преподаватели реализовывали эту идею на практике. Например, профессор ИКУ П.И. Кротов летом 1903 г. организовал для 15 студентов физико-математического факультета «научно-педагогическую географическую экскурсию» на Урал [9. Л. 6]. В 1907 г. профессор того же университета Н.Н. Фирсов со студентами историко-филологического факультета, которым он читал курс истории Поволжья, по предложению самих студентов организовал экспедицию в село Болгары для осмотра исторических памятников эпохи Волжской Булгарии [10. Л. 1]. У П.И. Фирсова сложились со студентами теплые отношения, об этом красноречиво свидетельствует факт подготовки студентами забастовки по поводу увольнения в отставку профессора Фирсова в 1914 г. [11. Л. 27об.].

Безусловно, сближению учащихся и учащихся способствовала благотворительная деятельность профессуры. Профессора и преподаватели порой жертвовали средства на организацию студенческих стипендий. Пожертвования были личными (частными) и коллективными. К последним мы относим, пре-

жде всего, пожертвованные суммы, собранные профессорской коллегией по подписке. Что касается первого типа, то есть индивидуальных пожертвований, то их, на наш взгляд, можно, в свою очередь, разделить на три категории: 1) капиталы, пожертвованные при жизни, 2) переданные по духовному завещанию, 3) переданные родственниками покойного профессора в память о нем.

Приведем несколько типовых или чем-либо примечательных примеров пожертвований разного рода. Любопытным примером коллективных пожертвований в Московском университете была «Стипендия 12-го апреля 1877 года», получившая название по дню объявления войны с Турцией. По добровольной подписке профессорами ИМУ было собрано 4200 рублей. Проценты с этой суммы ежегодно обращались в стипендию, получателями которой могли быть либо дети воинов, погибших в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., либо дети врачей-участников этой войны [12. С. 40].

В 1886 г. профессора Харьковского университета учредили премию в память 40-летия службы заслуженного профессора А.И. Палюмбецкого с процентов на собранные ими 1100 рублей капитала [13. [пагин. 1-я]. С. 9–10].

В Томском университете существовал «неприкосновенный капитал» в 2500 рублей, пожертвованный профессорами, «% с которого назначается на пособие и взносы за недостаточных студентов и содержание их в доме общегития» [14. С. 77].

Индивидуальные пожертвования. Для поощрения молодых отечественных талантов заслуженный ординарный профессор университета Св. Владимира И.И. Рахманинов в память 50-летия университета в 1884 г. пожертвовал 5000 рублей для учреждения премии своего имени за лучшее сочинение в области математических или естественных наук [15. [пагин. 1-я]. С. 5–6].

Одно из самых крупных по сумме пожертвований было сделано, согласно завещанию профессора Московского университета Н.В. Воронцовского: после его кончины следовало 24000 рублей обратить в капитал, на проценты с которого создать 4 стипендии [12. С. 46].

Обобщенное представление о пожертвованиях дает «Ведомость о стипендиях в Императорских университетах». Согласно данным этого официально-го издания, в 1890 г. больше всего стипендий с капиталов, пожертвованных профессорами и преподавателями, было в Московском университете – 7; 4 стипендии имелось в Петербургском, по 3 – в Казанском и университете Св. Владимира, 1 – в Новороссийском университете [12].

Профессора участвовали в судьбе студентов, не только учреждая стипендии. Например, при Казанском университете существовало «Общество для вспомоществования бедным студентам». В рамках этого общества профессора порой устраивали спектакли в пользу нуждавшихся студентов [16. Л. 2]. По данным А.Е. Иванова, более 50% российского студенчества начала века можно было отнести в категории бедных [17. С. 265–266]. В свете этих данных профессорская благотворительность была весьма уместна.

Вместе с тем, как отмечалось выше, начало XX в. – время бурных общественно-политических процессов в России, время быстрой политизации общества. Университеты, будучи местом концентрации как интеллектуальных

сил страны, так и активной молодежи, стали одним из очагов оппозиционного движения.

В начале века университеты сотрясались от многочисленных студенческих выступлений. Эти выступления были направлены, как правило, против инспекции, против чрезмерного административного надзора, часто приобретали политический характер, но крайне редко сопровождались какими бы то ни было конфликтами непосредственно между волнующимися студентами и профессорами. Архивные материалы (рапорты, донесения, отчеты, переписка руководства университетов с попечителями о «студенческих беспорядках») указывают, скорее, на косвенные трения (их обычно именовали «столкновениями») между профессурой и студенчеством на фоне студенческого движения. Обобщение множества эпизодов позволяет выделить типовые случаи (формы) таких «столкновений»:

- требование студентов прекратить лекцию или закончить ее раньше срока по причине необходимости обсуждения насущных вопросов (Новороссийский университет, 27 октября 1904 г. [18. Л. 58], ИКУ, ноябрь 1904 г. [18. Л. 106]).

- срыв занятий через обструкцию (ИКУ, март 1907 г.: «как раз в это время прибыли и два прежде являвшиеся к Ректору студента с просьбой, чтобы Ректор [...] предложил профессорам не читать лекции, иначе они вынуждены будут применить мирную обструкцию, состоящую, по их объяснению, в том, что они свистом, пением, шумом будут препятствовать чтению лекции» [19. Л. 25об.]).

- срыв занятий путем вторжения в аудиторию (ИКУ, 9 февраля 1902 г.: «вчера в первом часу дня [...] около ста двадцати человек вошли в аудиторию, где читал профессор Высоцкий, прервали лекцию и устроили сходку» [20. Л. 4]).

- срыв занятий путем массового непосещения лекций (Харьковский университет, 19 февраля 1886 г. [21. Л. 8, 8об.], ИКУ, 24 января 1905 г. [8. Л. 25об.]; ИКУ, 3 декабря 1907 г. [22. Л. 31]; ИКУ, 20 ноября 1912 г.: «в знак протеста против приведения в исполнение смертного приговора над осужденными матросами Черноморского флота» [23. Л. 1]; ИКУ, 13–15 марта 1914 г.: трехдневная забастовка студентов в знак протеста «против давящей русское общество реакции» [24. Л. 1, 2, 7об.]).

Вышеприведенные виды и примеры студенческих действий объединены тем, что, хотя и касались конкретных преподавателей (чьи лекции тем или иным образом были сорваны), не были направлены персонально против того или иного профессора. Отказ студентов следовать правилам университетской жизни (в том числе аккуратно посещать занятия, вести себя уважительно с преподавательским составом) был демонстрацией недовольства «внешними» обстоятельствами.

Но были и другого рода выступления, такие, как бойкот конкретных преподавателей. Большой резонанс в 1907 г. вызвал бойкот студентами ИКУ лекций профессора В.Ф. Залеского, который придерживался весьма консервативных политических взглядов, являлся убежденным монархистом [22. Л. 3об.]. Залеский был вынужден читать лекции у себя дома, опасаясь делать это в стенах университета. В 1908 г. имел место бойкот профессоров ИКУ

К.С. Мережковского и Е.П. Головина [25. Л. 24, 24об.], в 1912 г. – бойкот профессора Харьковского университета И.М. Гиммеля [26. Л. 25].

На фоне студенческих забастовок случались различные казусы. Так, во время очередных систематических срывов занятий в ИКУ в октябре 1908 г. профессор Е.Ф. Будде вовсе перестал являться в университет под предлогом болезни. Часть студентов, не желающая бастовать, направила домой к профессору своего представителя, студента Ивана Маркова с целью выяснения времени назначения профессором экзамена. «Марков два раза ходил на квартиру г. Будде, но в оба раза горничная г. Будде сказала, что последний болен и никого не принимает. В последний раз студент Марков осведомился у горничной, чем болен профессор и какой доктор его лечит. 7 октября вечером студент Марков в третий раз явился к профессору Будде, у которого в то время был прием в кабинете, где находились два студента и туда же был приглашен и Марков. Как только Марков вошел в кабинет, профессор Будде обратился к нему с укоризненными выражениями и при том крайне повышенным тоном. Вошедший от такого приема растерялся и первоначально молчал, а потом спросил г. Будде, в чем заключается его «нахальство». По словам профессора Будде оказалось, что он назвал Маркова нахалом за его расспросы у горничной о ходе болезни Будде, принятые за насмешку» [27. Л. 110–110об.].

О том, что за исключением отдельных случаев студенческие выступления редко были направлены непосредственно против профессоров, говорит такой пассаж из донесения от 20 февраля 1886 г. попечителя Харьковского учебного округа министру народного просвещения И.Д. Делянову: «...на лекции студентов явилось очень мало: так к профессору Владимирову явилось 4 студента, к профессору Грубе – 5 слушателей, но когда профессор заявил, что для такого числа слушателей он операции делать не будет, то аудитория клиники вскоре наполнилась студентами» [28. Л. 8, 8 об.].

Встает вопрос об отношении профессуры к студенческому движению. Ответ на этот вопрос находится в прямой зависимости от политических убеждений преподавательского состава, которые были разными и нередко полярными. Однако есть основания полагать, что преобладающая часть профессорско-преподавательского корпуса была настроена достаточно лояльно по отношению к этому явлению.

В тексте одного из студенческих воззваний, посвященного разработке «Временных правил об организациях студентов», говорилось: «Мы обращаемся в Вам, г.г. профессора! Неужели Вы – люди науки, люди, которые должны нести луч света в студенческую среду, неужели Вы спокойно примете пощечину от министерства и не найдете в себе настолько гражданского мужества, чтобы отказаться от гнусной роли, которая отводится Вам во «Временных правилах». Неужели Вы, которые говорите о единении со студентами, думаете осуществить это единение в тех организациях, которые приказывает ввести Ванновский.

Нет, г.г. профессора, Вы только еще больше отдалитесь от нас. Вы невольно станете нашими врагами. Почему должны будете исполнять роль шпионов. Вечным конфликтам и вражде, а не единению будет здесь место. Одумайтесь! Откажитесь от гнусной роли! Мы обращаемся к лучшим, к че-

стным из Вас. Конечно, и среди Вас найдутся г.г. Залесские (их везде много), но не с ними мы говорим!» [29. Л. 160б.].

Судя по приведенной выдержке, даже авторы воззвания (очевидно, представители левой, радикальной части студенчества) выражали надежду на взаимопонимание с профессорами.

Более того, есть косвенные свидетельства сочувственного отношения профессоров к студенческому движению. В фондах НАРТ сохранилось анонимное письмо, направленное в адрес ректора ИКУ в период затяжных студенческих волнений начала 1905 г. В письме, написанном от лица «обыкновенных смертных, не принадлежащих к так называемой интеллигенции», высказывалось убеждение, что виновниками студенческих беспорядков являются «господа профессора, которые не только не принимают со своей стороны никаких мер к успокоению и вразумлению сбитой с толка молодежи, но своим попустительством и сочувствием поддерживают беспорядки» [8. Л. 122].

На это же сочувствие намекается в секретной записке «О современном положении высших учебных заведений», составленной для МНП предположительно в конце 1906 г.: «За редкими, единичными исключениями это отношение (отношение профессуры к студенческому движению. – М.Г.) характеризуется какою-то непонятной уступчивостью, стремлением к компромиссам и каким-то робким протестом, которые напоминают, скорее, вынужденные извинения перед натиском студенческих требований готового уступить им профессорского персонала, нежели громкий протест уважающих себя наставников перед назойливыми домогательствами зарвавшейся молодежи» [30. Л. 10б. – 2].

В ходе студенческих волнений приходило понимание необходимости менять отношение к студенчеству как к «младшим», «опекаемым». На заседании Совета ИКУ 5 февраля 1905 г. профессор Г.Ф. Шершеневич говорил: «Надо же признать, что прошло, и безвозвратно, то время, когда администрация могла говорить: «Университет – это я». Нет, Университет – это профессора и студенты, учащие и учащиеся. Только в их единении кроется жизненная сила Университета» [8. Л. 151об.]. На том же заседании, посвященном в основном обсуждению вопроса о возобновлении занятий в университете, приостановленных в конце января из-за студенческих беспорядков, профессор М.Я. Капустин говорил: «Остается одно – испытать средство еще не применявшееся – оказать студентам полное доверие, открыть все университетские двери, все залы и аудитории и предоставить студентам в течение 2–3 дней свободно совещаться без всякого участия инспекции или полиции, без всяких руководителей и просить их ответить большинством голосов, желают ли они ныне же возобновить учебные занятия. Возможно ли оказать студентам такое доверие, не опасаясь каких-либо грубых беспорядков и безчинств? Я думаю, что можно» [8. Л. 152 об.]. С М.Я. Капустиным были солидарны профессор Д.А. Гольдгаммер [8. Л. 154], протоиерей А.В. Смирнов [8. Л. 154об.–155]. После прений на голосование был поставлен вопрос: «Признает ли Совет необходимым ознакомиться со свободно выраженным мнением студентов по вопросу о возобновлении учебных занятий?». Все члены Совета за исключением профессора В.Ф. Залеского, уклонившегося от голосования, высказались за это предложение [8. Л. 157об.].

В заключение можно констатировать, что в рассматриваемый период отношения между профессурой и студенчеством усложнились. Патерналистская модель отношений между учащими и учащимися, устоявшаяся в XVIII – первой половине XIX в., претерпевала изменения, а естественные для всех времен межпоколенческие противоречия накладывались на бурную общественную жизнь начала века. Правительство же со своей стороны, пытаясь вернуть университетскую жизнь в «нормальное русло», действовало весьма неэффективно, продолжая проводить преимущественно охранительную политику. Новые времена требовали новых решений, которые в России будут искать лишь в контексте революционных преобразований.

Литература

1. Вишленкова Е.А. Радикальная интеллигенция как побочный продукт университета Российской империи: опыт Казани // Логос. 2005. № 6.
2. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1886. Янв.
3. Краткий обзор деятельности Министерства народного просвещения за время управления покойного министра Н.П. Боголепова (12 февраля 1898 – 14 февраля 1901 гг.). СПб., 1901.
4. Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб., 1903.
5. Национальный архив республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977. Оп. 614. Д. 22.
6. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10993.
7. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10826.
8. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11101.
9. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10806.
10. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11506.
11. НАРТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1367.
12. Ведомость о стипендиях в Императорских университетах. СПб., 1890. 103 с.
13. ЖМНП. 1886. Март.
14. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1893 год. Томск, 1894.
15. ЖМНП. 1884. Сент.
16. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8160.
17. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999.
18. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10990.
19. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11447.
20. НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 2109.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 150. Д. 37.
22. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11512.
23. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 12346.
24. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 12801.
25. НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 501.
26. РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 100.
27. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11474.
28. РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 37.
29. НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 2109.
30. РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 535.